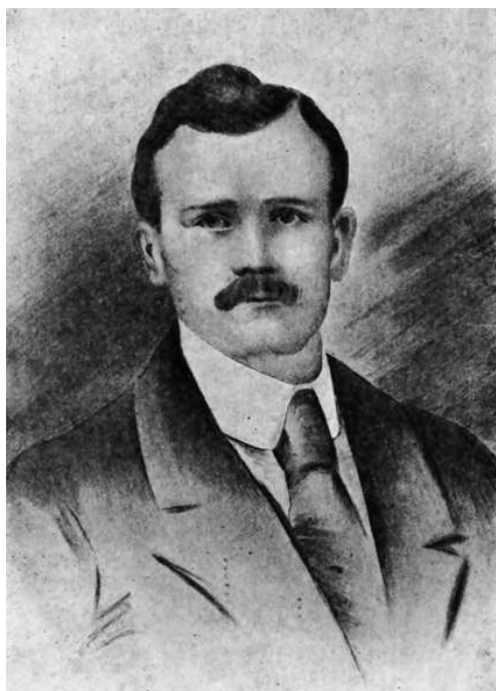

ПРОЛЕТАРИАТ И ТВОРЧЕСТВО (из публицистики Ф.И. Калинина)

Публикация подготовлена:

Гнётова Людмила Александровна, Самарская областная универсальная научная библиотека

Ф.И. Калинин

Федор Иванович Калинин (1882–1920) – литературный критик, общественный деятель, родился в семье ткача. Обучался в начальной фабричной школе, но выдающихся способностей не обнаружил. Свою трудовую деятельность начал с 15 лет, поступив в качестве ученика в столярную мастерскую. Однако, по свидетельству очевидцев, «работать не любит, лодырничает... выпивает, но читать любит, и читает страстно»¹.

В 1900 г. Калинин поступает на ткацкую фабрику в Ярославле и становится членом кружка передовых культурных рабочих, бывших студентов Демидовского лицея. Это был не политический кружок, а кружок самообразования. Скопленные матерью 200 руб. и деньги, вырученные от продажи доставшегося после смерти родителей дома, Калинин тратит на покупку изданий Павленкова². «Федор-то прочитал дом», – говорили в его

деревне, сочувствуя ему и не понимая его³.

Сам же Калинин под влиянием культурного кружка осмысливает всю силу образования, а затем и роль культуры вообще. Здесь был заложен его интерес и подходы

¹ Полянский В. Ф.И. Калинин (биографические сведения) // Памяти Ф.И. Калинина. Пг., 1920. С. 6–7.

² Павленков Флорентий Федорович (1839–1900) – русский книгоиздатель и просветитель. Всего издательство Павленкова выпустило в свет более 750 наименований книг тиражом более 3,5 млн экземпляров.

³ Полянский В. Указ. соч. С. 8.

к вопросу пролетарского искусства. Развитие пролетарского искусства он ждал только от пролетариата, что отчетливо проявилось у него после Октября 1917 г.

После Октябрьской революции объединяющим центром пролетарских писателей стал Пролеткульт – пролетарская литературно-художественная и культурно-просветительская организация, сложившаяся в период между февралем и октябрём 1917 г. В 1917–1920 гг. организации Пролеткульта широко распространились по всей стране (до 400 тыс. членов)⁴. Пролеткультом издавалось около 20 журналов: «Горн», «Твори!» (в Москве), «Грядущее» (Петроград), «Зарево заводов» (Самара) и др. Его ведущим теоретическим органом был журнал «Пролетарская культура». Во главе организации стояли А. Богданов и П. Лебедев-Полянский, активными деятелями были В. Плетнев, Ф. Калинин, П. Бессалько, П. Керженцев. По мысли руководителей Пролеткульта, художественные студии и рабочие клубы должны были стать лабораториями для выработки особой пролетарской культуры.

В 1918 г. сторонники пролетарской культуры выдвигают лозунги: культурная самостоятельность, культурная независимость, обособление от идеологии буржуазии, самоосвобождение от гипноза буржуазной культуры. Но Ф.И. Калинин все же считал, что «без знакомства с прошлой культурой мы не сможем сделать ни шагу. Завоевания, например, в технике, и развитие общества – все шло постепенно. Надо понять прошлое, чтобы идти вперед»⁵.

Мы публикуем ряд статей Ф.И. Калинина из источников, хранящихся в фондах Самарской областной универсальной научной библиотеки. Это «Пролетариат и творчество»⁶, «Путь пролетарской культуры и культуры буржуазной»⁷, «Диктатура пролетариата в искусстве»⁸, где автор рассуждает об особенном восприятии культуры пролетариатом и проводит грань между пролетарской и буржуазной культурой.

Текст статей воспроизводится с сохранением стилистических особенностей.

Пролетариат и творчество

Еще не так давно вопрос о пролетарской культуре в подавляющем большинстве партийных кругов вызывал к себе недоверчивое отношение, а сплошь и рядом враждебное. В настоящий переходный момент отношение значительно изменилось, и этот вопрос все больше приковывает к себе внимание, и растет число сторонников новой культуры. Правда, лед еще не совсем сломлен, но трещины уже наметились, они ширятся

⁴ Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стлб. 35.

⁵ Львов-Рогачевский В.Л. Очерки пролетарской литературы. М.; Л., 1927. С. 55.

⁶ Калинин Ф.И. Пролетариат и творчество // Пролетарская культура. 1918. № 1. С. 9–12.

⁷ Его же. Путь пролетарской культуры и культуры буржуазной // Горн. 1918. № 1. С. 25–28.

⁸ Его же. Диктатура пролетариата в искусстве // Памяти Ф.И. Калинина. С. 76–83.

и привлекают пролетарские взгляды своим разительным зиянием. И все-таки нужно признать, что для многих и многих этот вопрос неясен, и существование пролетарской культуры они подвергают сомнению. Есть ли пролетарская культура? Да, ответим мы решительно, элементы ее налицо. То, что вы называете классовым сознанием, пролетарской идеологией, это и есть элементы пролетарской культуры. Развитие ее неравномерное; но в области политической и экономической влияние идеологии рабочего класса выходит далеко за его пределы. Булгаков в «Философии хозяйства» пишет: «Число фактических последователей экономического материализма гораздо больше, чем открытых и сознательных его приверженцев».

Теперь, в переходный момент социальной революции, когда пролетариат вместе с беднейшим крестьянством встал у власти, назрела неотложная и настоятельная потребность определить пролетариату свое отношение и к таким областям, как вопросы воспитания и искусства. Никто из искренних сторонников рабочего класса не станет отрицать огромной важности вопроса воспитания. Мы, рабочие, не можем оставить воспитание народа во власти буржуазных методов: в самый важный момент его жизни, когда формируется душа человека и часто остается таковой на всю жизнь, дать возможность подвергнуть ее влиянию нашего злейшего врага – буржуазии. Мы должны выработать свои социалистические приемы воспитания, которые были бы в прямой связи с социалистическим идеалом. Не менее важное значение для рабочего класса имеет и искусство. Искусство не только развивает наше сознание, но и организует строй наших чувств, помогает устранить между сознанием и чувством столь обычный разлад, привести их в полную гармонию, придавая этим силу и непреодолимую последовательность в достижении наших стремлений. Кроме этого, искусство обогащает нас огромным опытом, которого в практической жизни во всем объеме и широте, даваемой изображением в литературе, человек может не пережить: в данном случае предварительное восприятие искусства помогает предупреждать практические противоречия и столкновения и тем самым усиливает нашу способность в борьбе.

В развитии и выработке пролетарской культуры есть две стороны. Одна собственно культурно-просветительная, которая выражается в усвоении буржуазного наследства, в определении к нему нашего пролетарского отношения и в усвоении элементов пролетарской культуры, которые уже созданы рабочим движением. Другая сторона должна выразиться в создании условия для проявления творческих сил пролетариата и в самом творчестве. Вторая задача – наиболее сложная: о ней мы и хотим поговорить в этой статье. Выяснение процессов творчества, в частности, поможет нам установить, в чем может выразиться участие в выработке пролетарской культуры интеллигенции, примыкающей к рабочему классу, и роль самого пролетариата.

Вопрос о творчестве – один из наименее выясненных. Буржуазная интеллигенция, пользуясь таким положением дела, всего охотнее скрывается в эту последнюю свою

крепость и усердно со всякого рода заклинаниями заволакивает себя в ней туманном мистицизма, который должен мешать нашему проникновению в эти заповедные луга. Рабочий класс не остановят колдовские наваждения последних могикан буржуазии, и он сумеет при помощи испытанного оружия – организованной сознательности – извлечь их из самых отдаленных ущелий на солнечный свет и обнаружить наготу их ложного самомнения. Из кастовой, цеховой заинтересованности эти господа создают фантастические сказки, что заповедные луга творчества доступны только избранным натурам, жрецам искусства, которые входят туда в белых ризах и с кадильным дымом. Творчество есть элементарная потребность каждого человека: оно выявляется в преодолении противоречий, с которыми люди сталкиваются в практической жизни, – а рабочий прежде всего в трудовой при воздействии на внешнюю природу, – и в области мысли, когда нарушается связь логической последовательности. Жреческая каста от искусства сейчас же задаст нам вопрос. Значит, по-вашему, между гением и простым рабочим нет никакой разницы? Да, скажем мы, по существу никакой, разница только в интенсивности и в большей или меньшей чувствительности мозгового аппарата. Иначе не смотрели и сами гении, и недаром Гете определял гениальность обладанием способности напряженного внимания, а Дарвин – терпением.

С этой точки зрения ясно, что процессы творчества, как в преодолении противоречий обыденной работы, так и усложненного творчества в разного рода великих открытиях, изобретениях и в области художественной, по существу одни и те же. Различие может быть только в формах протекания процессов. Одна – форма логическая, к которой относятся научные открытия и изобретения, и другая – художественная, к которой относится искусство.

Протекание процессов научного творчества основывается на логическом мышлении и идет под контролем сознания, который выражается в собирании для поставленной задачи необходимого материала и приведении его в логически целесообразную связь. Но дело не сводится всецело к этому. Наша психика не исчерпывается сознанием: это – только ее светлая, непосредственно доступная нам область. За нею скрывается еще гораздо более обширная, темная сторона психики – подсознание, богатейший склад опыта, хранилище бесчисленных переживаний неуловимых по своей слабости или крайней обычности, – переживаний смутно воспринятых и забытых. Когда сознание заканчивает работу накопления и упорядочения материала, то, если открытие назрело, подсознательное приходит на помощь, вступает в связь с областью сознания, как бы врываясь в нее могучим, оплодотворяющим потоком, из своего скрытого богатства вносит то, чего не хватало для решения задачи. А в результате этого синтеза является как бы неожиданное открытие, нечто новое, способное дальнейшее развитие целой отрасли знания и мысли направить по новым путям, по новым методам. В пользу такого единственно верного и допустимого предположения свидетельствует и богатый научный

материал о жизни подсознания, и история открытий в их исторической постепенности, и возможность самого открытия при определенных исторических условиях. За это же говорят признания ученых, их биографические данные об их работе и исследованиях. Пуанкаре рассказывает, как он сделал одно открытие в математике не в момент напряженной работы по вычислениям, а когда садился в автомобиль, думая совершенно о другом. На первый взгляд это кажется случайным открытием. Но это неверно. Здесь, очевидно, допустимо только одно предположение: когда напряженная работа сознания по данному вопросу прекращается, то работа подсознания, происходящая параллельно, продолжается и идет своим путем, хотя бы сознание отвлекли совсем другие задачи.

Многие из мистических интуитивистов склонны рассматривать творчество как наитие, присущее избранным натурам, которые способны творить вечные ценности из ничего по одному волшебному вдохновению. Этот взгляд свидетельствует о большом самомнении и одновременно о невежестве. Все серьезные исследования о творчестве говорят о возможности его только в результате напряженной работы, после приобретения богатого опыта. Только через накопление практических теоретических знаний можно идти к творчеству и открытиям. Всякий акт открытия или изобретения возможен после достаточно необходимого для него количества и соответствующего качества опыта или материала.

Другая форма творчества – в художественной области – базируется на непосредственных чувствах или, как говорят, интуиции, а вернее – на постоянно поддерживаемой связи сознания и подсознания; и только уже в конечной стадии, когда в воображении ярко и четко возник определенный образ, он контролируется и проверяется сознанием, отвечает ли образ поставленной общей задаче и своему месту в системе назначения. Искусство есть по преимуществу образное мышление; оно не доказывает, а показывает, и поэтому не может базироваться на логическом мышлении уж хотя бы потому, что почти всякий более или менее сложный образ заключает в себе такое количество опыта, которое не может охватываться памятью сознания. Поэтому, чтобы процесс художественного творчества протекал в создании образа нормально, подвальный опыт подсознания является постоянно необходимым дополнением. В тех же случаях, когда у художника между сознанием и подсознанием связь плохо налаживается или неровно протекает, продуктом этого творчества выступает искусство менее совершенное, каким является, например, искусство тенденциозное. Образ или целая система образов в произведении не полны, они как бы недозрели, в них не заключено должного и необходимого сознательного и подсознательного опыта, спаянного цементом чувства.

Если бы мы захотели сделать вывод и применить его к интеллигенции, примыкающей к пролетариату, какое она может занять место в творчестве пролетарской культуры, то мы бы определили это так: примыкающая к нам интеллигенция мыслить с нами, а если нужно и за нас, может, чувствовать же – нет. Поскольку вопрос идет о

логическом мышлении, наблюдении, систематизации опыта, интеллигент, внимательно изучающий жизнь и окружающие условия рабочего, может вполне мыслить за рабочего, правильно намечать путь развития идеологии пролетариата, как это сделано Марксом и целым рядом других пролетарских идеологов. Но лишь дело касается более глубоких переживаний, области чувств рабочего, – тут интеллигент бессилён, его проникновение ограничено. Ему может быть доступно только то, что высказывается и поддается наблюдению. А то и другое, как мы выяснили, недостаточно для завершения полного художественного выражения. Художественное творчество – процесс по преимуществу в своей основе подсознательный, контролируемый сознанием при своем уже выявлении; а подсознание имеет своей основой по преимуществу *быт*, и потому у интеллигента почти никогда не может оказаться пролетарским. Постороннему, даже самому внимательному наблюдателю нет возможности проникнуть в переживания, которые находятся в процессе подсознательного формирования. Сам рабочий смутно сознает шорохи своей души, и только в момент напряженного творчества они принимают в его сознании яркие и четкие образы. Можно еще допустить изображение наиболее примитивной психологии рабочего, которая, благодаря несложности переживаний, более или менее доступна наблюдению и поддается известному учету; но чтобы изобразить сущность пролетарской природы передового слоя рабочих, можно ее пережить. Нам могут указать на способность художников перевоплощаться. Да, у великих художников это качество сильно развито; но внимательное изучение его показывает, что перевоплощаемость ограничена пределами опыта; от силы и таланта художника зависит только богатство ее комбинаций.

Большой художник может ярко и сильно изображать типы постороннего ему класса в пределах доступного ему наблюдения и изучения, но сказать что-нибудь новое, там намечающееся, и в то же время типичное, способное развиваться до общезначимого, он не смог бы.

Ограничивая роль интеллигенции в творчестве пролетарской культуры, мы не хотим, чтобы нас понимали по упрощенному методу Лермонтовского камердинера, который делил мир на две половины: одна – его барин, а другая – вся остальная сволочь. Такой метод должен быть изгнан и отвергнут. Но надо признать, что те сложные, крутящиеся вихри и бури чувств, которые переживает рабочий, доступнее изобразить ему самому, чем постороннему хотя бы близкому и сочувствующему наблюдателю.

Здесь речь идет только о равных величинах, которые стоят в одном ряду передового авангарда, но разных классовых группировках по происхождению. Оппортунистом может быть и рабочий, выражающий настроения и стремления отсталых, не освободившихся еще от мелкобуржуазности полупролетарских масс. Такой рабочий, как бы он талантлив ни был, не будет выразителем намечающихся тенденций пути развития в передовом авангарде рабочего класса, а следовательно, не сумеет изобразить их и художественно.

Переходя к заключению, мы скажем: в способе решения вопроса о творчестве пролетариат должен применить уже испытанное оружие, которым он завоевал политические и экономические крепости буржуазии; это оружие – организованная сознательность, спаянная дисциплиной с запасом необходимых знаний; тем же самым оружием пролетариат завоюет и последнее убежище буржуазной интеллигенции – творчество и рассеет скопившиеся вокруг него удушливые газы мистицизма. Через упорный, последовательный путь расширения опыта, накопления знаний, духовной самодисциплины – к творчеству.

Путь пролетарской культуры и культуры буржуазной

Путь пролетарской культуры ярко и четко наметился в завершающем свое развитие капиталистическом строе. По выражению К. Маркса, «в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем и материальные условия для разрешения антагонизма» между сходящим с общественной арены буржуазным классом и вступающим на нее классом пролетарским. Таким образом, пролетариат в строительстве своей культуры отправной точкой должен взять те общие очертания, которое отчетливо обрисовывались в индустриальном строе последнего империалистического периода. Этот период в области финансовой характеризуется анонимностью, где коллективы буржуазных финансовых королей распределяют средства по строго обдуманному плану, где отдельные вкладчики, как бы ни были они крупны, не могут распоряжаться своими капиталами. Они вынуждены подчиняться и выполнять с механической точностью предначертания, диктуемые общими соображениями финансовых заправил и таким образом теряют уже в значительной мере право собственности. В области технической индустрия развивается в том же направлении. Личная инициатива теряет свое былое значение. Изобретения и организация развития самой техники перенесены в лабораторию, в бюро изысканий, где при строгом учете коллективного и безвестного опыта, изобретения из области счастливой персональной случайности переходят в систематическую планомерно сознательную работу коллектива. В управлении предприятиями личное усмотрение также изгоняется, хозяйский глаз кустика продолжает жить только в отсталом мелкобуржуазном производстве, а в передовом – система управления развивается в сторону анонимности и автоматичности, диктуемую общими задачами предприятия или целой группы предприятий.

Чтобы наметить ясный и отчетливый путь своей культуры, рабочий класс не должен упускать из виду и другого соображения: производительные силы капиталистического общества вылупляются из буржуазно-идеологической скорлупы. Хотя восприимчивыми производства в нашей стране, по счастью, являемся мы – рабочие, тем не менее не должно забывать, что идеология имеет консервативный характер, слишком вязкое

свойство. Без активного и сознательного вмешательства с нашей стороны, она будет продолжать цепко держать в своих сетях нашу психологию и привычки.

Мы нарисовали картину только верхнего этажа производства, вместе с этим продолжается еще жизнь и в нижних этажах, – еще сохраняются остатки способов производства феодально-крепостнического и мелкобуржуазного, а вместе с ним живет и соответствующая им идеология. И эта переплетающаяся многоэтажность идеологии опутывает рабочий класс со всех сторон. Необходимы огромные сознательные усилия, чтобы окончательно порвать с ними.

В конкретном выполнении задач пролетариата мы во многом и многом продолжаем пользоваться старыми приемами. Разве наше практическое осуществление диктатуры пролетариата выполняется в полной связи и прямом соответствии с наметившейся линией и путем нового индустриального способа производства? Мы думаем, что тысячу раз нет. Большинство наших приемов этого конкретного выполнения носят в себе прямой отпечаток ремесленного кустарничества. Кустарничество вошло в нас, как проклятое наследство старого режима и его отживающих идеологий. У нас еще продолжает быть в силе личное усмотрение, безалаберщина, работа на свой салтык. Вводя в жизнь социалистический строй, мы осуществляем его при помощи отживших приемов, не только не соответствующих социалистическому строю, но и не соответствующих развитому индустриально-буржуазному строю.

Ко многим сторонам жизни пролетариат еще не успел установить своего отношения. И вот теперь, когда происходит колоссальная мировая ломка всех отношений, пролетариат должен выработать свой взгляд, выработать план и систему, обнимающие все области, которые еще не подвергались его воздействию.

Но так как вся жизнь до сих пор была опутана бесконечной сетью буржуазных и феодальных форм, вошедших во все поры общественности, заразившей этой бациллой и кровь самого пролетариата, перед рабочим классом стоит одна задача: как можно скорее и с наименьшей затратой сил покончить со старыми пережитками. Тем более, что у пролетариата есть уже испытанный способ, который он должен использовать в создании своей культуры, – это сознательно планомерная организованность. Как образец же системы – он имеет складывающуюся форму производства.

Чтобы конкретизировать задачи пролетарской культуры, мы должны несколько остановиться на роли идеологии, как организующем факторе.

Идеология имеет два свойства – положительное и отрицательное. Первое выражается в организующей способности: все приводить в целесообразно-логический стройный порядок. Идеология, это – канва, по которой располагается техническая и материальная часть наших действий и застывших продуктов культуры. Идеология, выраженная в искусстве, есть ни больше ни меньше, как шаблон, по которому можно организовать нашу жизнь. Это бесчисленные модели жизни, которые учат и показывают

общие направления пути. При этом не нужно забывать, что любая идеологическая форма, научная или образная, не есть точная копия жизни, это только общий основной тип пути. Положительный характер идеологии в том, что она кристаллизует, объединяет опыт человечества и тем самым препятствует рассеиваться и бесплодно пропадать ему, как это происходит в стихийной бессознательной жизни, опыт которой в огромном количестве растрачивается зря. Таким образом, идеология служит руководством и отправной базой для движения вперед, не позволяя повторять пройденный уже человечеством путь.

Отрицательный характер идеологии в том, что она консервативна, заставляет задерживаться человечество на своем пути дольше чем необходимо. Данная модель, послужившая сегодня отправной базой, завтра обогащается новым содержанием и таким образом в процессе активного действия должна соответствующим образом расширяться, чтобы захватить в свой круг новый опыт. Но идеология не настолько упруга, новое содержание обыкновенно ее взрывает, причем и в разорванном виде она цепко продолжает держать материальное содержание. Поэтому, нужны новые идеологические формы, чтобы организовать опыт соответственно его содержанию.

Таким образом, намечается путь строительства пролетарской культуры. Форма ее определяются тем образцом способа производства, который уже слагается в отживающем Империалистическом буржуазном строе; способ же организации определяется материальным способом производства и классовым положением пролетариата.

Организирующее свойство идеологии дает возможность объединить и собирать все проявления человеческой активности, все его конкретные действия в стройные системы, и таким образом, способствует предохранению человеческого опыта, – а в данном случае, опыта пролетариата, – от растраты и рассеивания, что и способствует планомерному развитию культуры и предохраняет человечество от ненужной растраты сил на повторение уже пройденного пути, препятствует ему открывать лишний раз уже открытые Америки.

Из старой культуры пролетариат берет только материалы и образцы, организуя их по-своему согласно и в соответствии со своей классовой природой и той же перспективой развития идеала, к которому он стремится. Остатки старой культуры дают возможность понять душу вымерших классов и тем самым опять предохраняют от повторений того, что уже пройдено, и дают возможность глубже понять пролетариату его настоящее положение.

В настоящий момент диктатуры пролетариата в нашей стране в строительстве культуры рабочего класса намечается два способа одного и того же пути, два способа достижения одной и той же цели. Советское Рабочее Правительство строит новую культуру в Государственном, – а тем самым закладывает фундамент и в мировом масштабе. Оно, как будто, обрабатывает гигантскую гору, стремясь придать ей

социалистическую форму. На этом пути Советское Правительство встречает огромное сопротивление. Материал этой гигантской горы, будучи не однородным, не обладает достаточно вязким свойством, с чем связаны неизбежные осыпи. Советскому правительству приходится вести классовую борьбу. Кроме сознательного и бессознательного сопротивления со стороны враждебных ему классов и групп, оно не может также находить достаточно количества людей, которые сверху до низу могли бы проводить намеченную им социалистическую программу последовательно до конца. Это условие общественной борьбы неизбежно ведет к уклонам, независимо от сознательной воли тормозит развитие социалистического строительства и открывает стихийным факторам возможность врваться в стройный план, в строгую социалистическую систему. Чтобы облегчить нашему рабоче-крестьянскому правительству культурно-социалистическое строительство, пролетариат, как класс наиболее сознательный и дисциплинированный, должен создать тип работы лабораторно-студийной, и там по возможности изолировать пролетариат от привходящих буржуазных влияний и таким образом, создать наиболее организованные и сознательные условия для проявления творческих сил рабочего класса.

Около той гигантской горы, которую обрабатывает наше Советское правительство, придавая ей социалистическую форму, рабочий класс, принимая в этой работе самое активное участие, – наряду с этим, как бы у подножия этой горы, – лепит форму-модель из такого вязкого материала, как пролетариат, наиболее способного по своему общественно-классовому положению осознать идеи социалистической культуры, и эта форма-модель должна служить образцом, по которому легче выравняться гигантской горе Рабоче-Крестьянского правительства.

Путь буржуазной культуры на заре зарождения имел некоторое сходство с тем, которое в настоящий момент переживает пролетариат. Идеология буржуазии при вступлении на общественную арену, когда она вела борьбу за господство ее с отживающим феодализмом, опиралась на реализм сознания. «Будучи вначале формами развития – говорит К. Маркс – для этих производительных сил, имущественные отношения становятся их оковами. Но это было в период юности буржуазии, когда ей нужно было отстоять свое место и господствующее положение перед феодальным одряхлевшим дворянством, на смену которого она приходила. Когда же она пережила молодость, зрелость и вступила в период старчества, логика развития общества поставила ее перед перспективой неизбежной смерти. Перед натиском растущего, полного сил и колоссальной мощи молодого пролетарского класса, многочисленного по количеству и бесстрашного по сознательной логической углубленности, опирающегося на строгий и неумолимый закон общественного развития, – буржуазия смертельно испугалась, и эта опасность заставила ее закрывать глаза, искусственно создавать загадочные и непонятные ей самой мистические теории, чтобы создать иллюзию отдаления

наступающего часа катастрофы своего господства. Это условие заставило буржуазных идеологов сознательно и бессознательно создавать всякого рода теории, которые подрывают силу сознания. Разум они объявили несостоятельным, все загадочное и непонятное легло в их идеологию. На этой почве появились мистические теории, философии интуитивизма, футуристическое отрицание истории и исторически сложившегося человеческого опыта – все, кроме развивающейся силы сознания. Эта идеология и определила развитие индивидуалистической культуры».

Совсем противоположную позицию занимает пролетариат. Вся его сила развития покоится на растущей власти сознания, т. е. на правильном углубленном понимании исторического процесса, на наиболее организованном и дисциплинированном его сознании. Социалистическое общество представляется как идеально совершенная организованность и дисциплинированность, а это значит наиболее углубленная сознательность. Только в этом смысле и можно понимать Энгельса, когда он говорил, что при переходе в социалистический строй «из царства необходимости мы сделаем прыжок в царство свободы». При социализме расширяющаяся власть сознания достигнет максимальной силы. Власть стихийности, неорганизованности, случайности постепенно будет падать и отмирать, их место займет растущая власть сознания, что и означает царство свободы. Рабство людей перед стихией природы постепенно будет терять свою зависимость, а рабству перед стихией общественных форм уже совсем придет конец.

Буржуазная идеологически-духовная культура вырождается в сторону стихийности и первобытного инстинкта – в сторону индивидуальной счастливой случайности.

Пролетарскую культуру определяет материальный базис, создающийся из недр буржуазного капиталистического общества, который создает условия для развития культуры пролетариата в сторону коллективной невиданной дисциплины, стройности и организованности. Для личного произвола и усмотрения не будет места, – деятельностью людей будут руководить не лица, а логика систем и их внутренний смысл.

Диктатура пролетариата в искусстве

Привычка – вторая натура, – говорит народная пословица. Все мы это хорошо знаем, часто повторяем, и однако борьба с отжившими привычками, вредными, по выражению поэта, «обломками давней правды», ведется недостаточно энергично. Пассивное и халатное отношение продолжает быть обычным, а вследствие этого и повторение всем известных истин приходится признать необходимым и вполне естественным явлением.

Сторонники диктатуры пролетариата в политике и экономике боятся его диктатуры в области науки и искусства. Область так называемой духовной культуры продолжает быть заповедной для большинства нашей интеллигенции; она продолжает подходить к

искусству босыми ногами и с трепетом в душе. Старая привычка, которая осталась у ней со школьной скамьи, а потом бесконечное количество раз повторяемое в их семейном кругу, на общественных собраниях, в литературе, мнение, что искусство – нечто божественное, священное, обязывает прикасаться к нему только при елейном настроении. Вот этими предрассудками интеллигенция и кормит нашего брата рабочего. Если часть революционной интеллигенции смело призывала пролетариат к осуществлению диктатуры в области политики и экономики, то продолжить свою последовательность мысли, казалось бы, вполне законную, у ней не хватило духу. Проклятая традиция сперла в ее горле дыхание, и она вместо полного голоса тихо и невнятно залепетала: ах, культура, искусство – следствие «божественного глагола» и вдохновения, – к нему нужно подойти осторожнее. Ради бога, пролетарьюшко, осторожнее касайся окристаллизованного застывшего вдохновения великих художников! Осторожно, ты груб и неловок, пролетарьюшко, нечаянно как-нибудь войдешь в раж и разрушишь вдохновенные произведения. Не напирай так сильно в искусство, там с твоим организованным и активным сознанием ты ничего не возьмешь; в искусстве нужно тонко воспитанное чувство, а у тебя, пролетарьюшко, чувство-то как раз и не развито. Не торопись, не спеши, все само собой преобразуется, тебе еще рано вмешиваться. С такими по существу словами обращается интеллигенция к пролетарию, убивая этим его инициативу, силу и не давая размаха.

Пролетарию нечего вставать на колени перед старым искусством. Разрушать его он не будет, для этого нет ни смысла, ни оснований, но нет также надобности и необходимости вставать перед ним на колени. Все буржуазное искусство для нас должно иметь значение только историческое. Что такое произведения великого Шекспира с его Гамлетом, быть или не быть, с его раздвоением личности? Что такое произведения нашего великого Достоевского со всеми его героями, с их борьбой за возможность переступить? И что такое Толстой с его борьбой духа и плоти? Все это уже пройденные ступени, все это важно и интересно в исторической перспективе. У пролетария формируется новая психология, ничего общего не имеющая с той, которая изображалась старыми художниками. Поэтому мы и будем смотреть на них как на памятники старины, отходящей в историю культуры, – а чем скорей эти памятники мы переселим в музеи, тем скорей развяжем руки для ростков культуры новой. Мы можем и должны с этими историческими памятниками знакомиться, чтобы знать, откуда и какими путями пришли, но зачем мы их будем культивировать; вот вопрос, который нужно резко поставить перед интеллигенцией.

Последовательность мышления и действия должна быть проведена до конца. Борьба за диктатуру по всей линии. Разве мы не смеялись и не вели борьбы с меньшевиками, когда они толкали нас в области политики и экономики по пути преобразования, по пути самосозревания. Дай срок, дозреет экономика, как в Европе, тогда и революцию будем

делать; теперь нам говорят, пусть в искусстве рабочий дозреет до буржуазной техники и до буржуазной образованности, а тогда можно будет говорить и о пролетарском искусстве. Это не верно, это вредно, – с этим должна вестись ожесточенная борьба. Мы, сознательные люди, не можем его понять, а потом и воздействовать на него. Вся наша сила именно в этом сознательном воздействии.

Рабочий класс стал хозяином государства. Условия для его вмешательства в развитие создания искусства и науки согласно его назначению и стремлениям налицо. Правда, пролетариату приходится еще вести с хищниками мирового капитала борьбу за свое укрепление. Борьба эта протекает в крайне тяжелых условиях. Ему приходится отстаивать с оружием в руках свое коммунистическое Советское государство. Борьба с холодом, с голодом прежде всего требует напряжения всех сил; и все-таки рабочий класс не может отказаться от борьбы за духовную диктатуру по всему культурному фронту.

Если мы считаем вполне возможным и необходимым использовать специалистов в области военной, технической, экономической и вообще в хозяйственном строительстве, то нет никаких оснований не делать такого использования в области науки и искусства. Мы можем организовать школы и студии по приготовлению литераторов, артистов, музыкантов и т. д. Многим это может показаться нелепостью, а в действительности это не так смешно, как кажется и как мы привыкли думать. Мне, как одному из организаторов Болонской партийной школы⁹, вспоминается проделанный опыт в этой школе. Под руководством тов. Троцкого слушатели школы знакомились с постановкой газетного дела буржуазных и социалистических газет, с их внутренней структурой и приемами литературной техники. Слушатели-рабочие до этого никогда не занимались литературой и не написали ни одной статьи, ни одного рассказы. Они были разделены на две группы, и каждая группа приготовила по целому большому номеру газеты с передовицей, фельетоном, рассказами, телеграммами, обзорами, – словом, по всем правилам искусства. По своему содержанию и построению эти номера ничем не отличались от лучших больших газет. Нам могут заметить, что данный момент мы не сможем достать таких блестящих знатоков и талантливых литераторов, как тов. Троцкий. Это верно, но тут нужно заметить, что, несмотря на замечательную постановку этого дела тов. Троцким, этому вопросу среди других вопросов было уделено до чрезвычайности мало времени, – это был не главный предмет, с ним знакомились между прочим. Можно указать еще на один пример; литературная студия рабочих Московского Пролеткульта в короткое время издала и редактировала исключительно силами рабочих журнал «Гудки», которого вышло 7 номеров. Подавляющее большинство сотрудников рабочих впервые начали писать и научились писать в полном смысле слова хорошо даже при несовершенной постановке в

---

⁹ Болонская партийная школа – была основана в декабре 1909 г. группой «Вперед» (в составе РСДРП), созданной в эмиграции в Болонье. В политическом отношении группа выступала за отказ от легальных форм борьбы. К партии большевиков присоединились в марте 1917 г.

студии дела. Нужно отбросить буржуазный предрассудок, что литературой могут заниматься только те, кого «жжет божественный глагол», и кто одарен особым даром вдохновения. Талант, конечно, остается талантом, но большинство в литературе простые обладатели современной техники. Ярким примером может служить стоящий в первых рядах литературы В. Брюсов. При совершенстве своей техники он доходит до поразительных результатов и из любого пустяка сделает вам литературное произведение, интересное по содержанию и значительное по форме.

И вот вместо того, чтобы культивировать буржуазное искусство, давать ему в Советской России расцвести махровым цветком, мы должны использовать буржуазных литераторов и работников искусства в интересах развития пролетарского искусства, но должна быть провозглашена и диктатура пролетариата в искусстве и науке, и эту диктатуру нужно проводить неуклонно и последовательно, как мы проводим ее в политике и экономике. Мы обязаны выправить меньшевистскую точку зрения в искусстве, не ждать, когда все само собой преобразуется; пролетариат – не такой класс, который ждет и смотрит пассивно. Он – класс, знающий свои интересы, он организованно вмешивается во всю общественную жизнь, в том числе и в область искусства и организует ее согласно своему идеалу коммунизма. Пролетарское искусство, как и все остальное, должно быть создано революционным путем. Искусство есть мощное идеологическое орудие, при помощи которого организуется жизнь в желаемом направлении, в интересах того или иного класса. В классовом обществе искусство в целом служит по преимуществу укреплению того класса, который в данную историческую эпоху стоит у власти. Мы были бы круглыми глупцами, если бы равнодушно относились к дальнейшему культивированию буржуазного искусства, считаясь с тем обстоятельством, что у искусства есть кроме классовых ценностей общечеловеческие. Машина и вся техника представляет сама по себе ценности тоже общечеловеческие, но в руках наших классовых врагов она служит во вред нашей борьбе и нашему положению. То же самое искусство: мы его используем и организуем в своих интересах, а значит, в интересах всего человечества. Пролетариат не создает классового господства. Если он вынужден сейчас проводить суровую диктатуру, то лишь в целях самозащиты и установления социалистического строя. Как только будет окончательно уничтожена система буржуазного общества, когда не будет поводов и возможности для буржуазных контрреволюционных выступлений, тогда не будет надобности и в диктатуре. Чем решительнее будет наша борьба, чем скорее и больше способов культивирования буржуазных идей мы сломим, тем скорее сумеем отменить диктатуру. Слишком было бы глупо с нашей стороны оставлять в руках буржуазии одно из мощных орудий идеологии искусства и давать ей возможность под соусом художественных произведений отравлять сознание пролетария ядом своей идеологии. Мы уже говорили, что пролетариат ждать не может, он должен сознательно вмешаться. Нужно прямо и определенно сказать, что старое буржуазное искусство нам не нужно.

Пусть любой интеллигент, защитник буржуазного искусства попробует доказать, что буржуазное искусство вечно и без него рабочему двигаться нельзя. Надеемся, этого доказать ему не удастся. Пролетариат радикально изменил все бытовые и всякие другие отношения. А если он в своем быту продолжает пользоваться старыми буржуазными формами, то мы должны с этим постоянно бороться, как с вредными, мешающими расти новой жизни, пережитками. Приводят аргумент, что пролетариат любит старое искусство, он, например, переполняет театры с буржуазными пьесами. Тем хуже для него и для тех, кто угощает пролетария этой отравой. А если рабочий и ходит в буржуазные театры, то что же тут удивительного; рабочему, как и другим, естественно отдыхать, а в напряженной атмосфере современной жизни такая потребность диктуется еще с большей необходимостью.

Но беда в том, что вместе с удовольствием, которое получает рабочий от старого искусства, он незаметно впитывает в себя старую идеологию буржуазии.

Их искусство организовало их жизнь, теперь нам враждебную. Оно выработало свои формы. Для пролетариата нечего искать форм искусства в прошедших веках. Буржуазные выродки мудрят и советуют нам искать формы искусства в эллинском времени. Пролетариат этим советчикам должен сказать: руки прочь! Мы не нуждаемся в эллинском искусстве. Нам нечего взять в Элладу такого, чем бы не вдохновляла нас наша действительность, во всех отношениях сложнее и выше всех существующих в воображении Эллады. Если вы хотите изображать все темные лабиринты человеческой подлости, то какая эпоха может сравняться с нашей по богатству этого материала? Если вам нужен героизм, то какое время может сравняться с нашим, в котором можно черпать столько героического? Чего ни искал бы художник, все он может встретить в наше время; в нем такое богатство материала, какого не может дать ни одна эпоха. И когда буржуазные выродки рекомендуют нам обратить наш взор на Элладу, мы, рабочие, дадим им один ответ: обращайтесь ваш взор куда угодно, к небу, на Элладу, – нам все равно, но тогда нам с вами не по дороге. У нас слишком много дел здесь, на этой земле. И в первую очередь мы стараемся выбить из этих дурацких колпаков дурь и заставить их служить нам, пролетариям, а не издыхающей буржуазии.

Буржуазная интеллигенция набила себе голову всякой буржуазной ерундой и ее хочет преподносить рабочему. Довольно! Свои пути мы сами расчистим себе.